

Время Анастасии

оптимистичный рассказ о достойной заработной плате

Данная работа
опубликована при
поддержке Регионального
офиса Представительства
Фонда им. Фридриха Эберта
«Диалог Восточная Европа»

PLAT FORMA

FRIEDRICH
EBERT
STIFTUNG

Текст и иллюстрации:
Лилия Ненеску
Виталие Спрынчанэ

Platzforma 2020

Бремя Анастасии

оптимистичный рассказ о достойной заработной плате

Анастасия ждёт на автобусной остановке в центре села. Стоит одна. Оля и Алла — женщины, с которыми она вместе работает на швейной фабрике «Конфтекст», ещё не подошли.

Холодно, как впрочем, каждым осенним утром. Анастасия смотрит на свои грязные и мокрые ботинки: роса и пыль покрыли их несколькими слоями. Она выдыхает тёплый пар себе в руки, чтобы согреться, он удерживается на мгновение в ладонях, затем стекает сквозь пальцы.

Анастасия смотрит на часы.

«Ещё есть время», — говорит она себе.

Деревня окутана густой завесой тумана. Сквозь дымку, едва просматриваются силуэты деревьев вдоль дороги. Вдалеке слышен лай собак, затем утреннюю тишину нарушает петух, а с верхней части села доносятся голоса людей и животных, и хриплый шум трактора, который, кажется, отказывается заводиться.

Из тумана появляются две фигуры.

Это Алла и Оля.

Съёжившись от холода, укутанные паром собственного дыхания, они подходят к остановке.

«Доброе утро, девочки».

«А ты трудолюбивая, Настя. Думаешь, тебе выдают премию, если будешь стоять первой на остановке? Или, может, хочешь, чтобы время ожидания транспорта входило в оплаченные часы?», — шутит Алла.

«Да знаю я, что стою и мёрзну здесь за свой счёт».

«Ожидаем за свой счёт, мёрзнем за свой счёт, трудимся за свой счёт, болеем за свой счёт...»

Одна за другой присоединяются остальные женщины...

Через несколько минут прибывает автобус.

Женщины спешат зайти во внутрь.

В автобусе зябко, сиденья холодные, но как только он заполняется, становится теплее.

«Полчаса до города — это не так уж и много», — шутит кто-то. «Не успеваешь ни замёрзнуть, ни согреться, ни толком поспать».

«Может, попросим водителя поехать по более длинной дороге, хоть согреемся и поспим?», — добавила другая женщина.

Слово за слово, автобус прибывает на фабрику...

Швейная фабрика «Конфтекст» занимает производственные цеха бывшей фабрики «Ленин». Мозаика над входом, изображающая Ленина, разговаривающего со швеями — одно из немногих свидетельств былой эпохи, не считая директора и профсоюза, унаследованных от старой фабрики.

В коридоре женщины проходят мимо кофемашины, Анастасия делает себе чай, чтобы согреться, затем тоже идёт наверх.

У входа она приветствует охранника, прислоняет пропускную карту к турникету и входит.

Начинается новый рабочий день. За последние 3 года, каждый рабочий день Анастасии был абсолютной копией предыдущего. Уже 3 года она сидит за швейной машинкой и продельывает последнюю операцию при изготовлении платья: окантовку.

Вечер пятницы. Рабочий день только что закончился. На улице мелко моросит. В полной темноте, Анастасия выходит из автобуса. Село такое, каким она оставила его этим утром: холодное и тёмное.

Она заходит в небольшой сельский магазин (люди называют его баром Мариин), чтобы купить хлеб, молоко, мыло, масло и рис. («Не забудь взять детям что-нибудь сладкое», — говорит она себе). У неё нет денег, поэтому просит Марию занести сумму в книгу должников. Так делает вся деревня — Мария иногда шутит, что суммы, записанные в этой книжке,

в десятки раз превышают стоимость товаров находящихся в магазине, и если бы эта книжка сгорела, то потеря была бы значительно больше, чем если бы сгорел сам магазин!

Анастасия выходит из магазина и медленно идёт домой. Она ломится от усталости.

Вся семья — Нику, Дан и мать Елена — ждут её за столом.

«Как же мне повезло с мамой, если бы не она, детям бы пришлось ждать ещё час, пока бы я приготовила что-нибудь поесть».

Она вспоминает, как ей жаловалась Оля. Каж-

дый вечер после работы она приходит домой и готовит еду — муж говорит, что готовка — это женское дело, и даже если он сидит целый день дома, то все равно ничего не готовит, пока не приходит она...

В такую погоду горячая тарелка супа не просто приятный сюрприз — это благословение.

На заднем плане из телевизора звучат новости дня.

«В Австралии пожары. В Индии снова сильные дожди, много домов разрушено. Президент страны встретился с фермерами района. В Кишиневе группа граждан организовала акцию

протеста перед зданием молла».

Анастасия прислушивается.

«Против кого и зачем протестовать в молле, против высоких цен?»

Слушает дальше...

«Группа активистов устроила акцию протеста перед торговым центром в знак солидарности с рабочими, которые шьют обувь и одежду, которую мы носим. Они выразили недовольство условиями труда в текстильной промышленности и потребовали у мировых брендов, производящих в Молдове: Bike, Prinark, Xara, Rochiato, выплачивать рабочим достойную заработную

плату. Протестующие также призвали потребителей присоединиться к движению, требуя у брендов большей ответственности и лучших условий для работающих на них женщин...»

Анастасия поворачивается к телевизору и внимательно смотрит. Она видит группу из 30 человек, стоящих перед торговым центром с плакатами и мегафонами. Пробует прочитать надписи на плакатах.

«Нет консьюмеризму!»

«Достойная заработная плата всем рабочим!»

«Люди важнее прибыли!»

«За чистую одежду, против грязной прибыли!»

Ведущая продолжает: «Акция протеста прошла по случаю Чёрной Пятницы, день, когда магазины выставляют большие скидки на все товары, надеясь привлечь больше покупателей и увеличить продажи».

Протестующая поясняет: «Цена, по которой продаётся одежда в Чёрную Пятницу, наиболее близка к реальной её цене. Если вещь продаётся со скидкой в 70%, значит что более 70% ее стоимости составляет прибыль, а остальные 29% — это затраты на сырье, дизайн, продвижение и транспортировку. Только 1% стоимости вещи достаётся работнику, который её сшил. Вот почему мы протестуем. Мы требуем, чтобы работающие женщины получали соответствующую оплату за свой труд. В Чёрную Пятницу компании не остаются в потере — они просто решают пожертвовать небольшую часть прибыли, чтобы привлечь больше покупателей».

Другой протестующий продолжает: «Мы требуем, чтобы бренды жертвовали частью своей прибыли не только в Чёрную Пятницу. Мы не требуем их жертвовать 70% прибыли, но как минимум 3%, чтобы рабочие получали достойную заработную плату. То есть зарплаты,

которые бы покрывали основные потребности для них и их семей: еда, одежда, жилье, образование, транспорт, здоровье. Это позволило бы рабочим экономить денег на непредвиденные расходы. В Молдове достойная заработная плата была подсчитана и составляет около 12 000 леев».

Мать Елена давится от смеха.

— Слышишь, Настя, у тебя зарплата должна быть 12 000 леев. А сколько ты сейчас получаешь, 4500?

— Да, около того. Когда больше, когда меньше.

— Мама, мама, вмешивается в разговор Нику, если у тебя будет зарплата в 12 000 леев, мы поедем наконец-то на море?

— Конечно, сладкий мой.

Анастасия не верит своим ушам. Она удивлена — не часто можно увидеть по телевизору новости об ее работе или о протестах, в которых говорится о рабочих условиях на заводах и низкой зарплате.

Она слышала от своей сестры Тамары, работающей в Испании, о том, что многие протестуют перед магазинами и торговыми центрами против скидок и потребительства. Она также слышала, о протестах с требованием повышения заработной платы (на самом деле, они обсуждали с коллегами на фабрике, чтобы потребовать повышения зарплаты со следующего года). Но она впервые слышала о «прожиточном минимуме».

«Эти люди говорят о достойной заработной плате. Я понимаю, что это такое, и все звучит довольно просто, но по ощущениям, я слышу об этом впервые. Нужно узнать, что это за достойная заработная плата и с чем это едят...»

Но поиск информации должен подождать.

По окончании выпуска новостей, дети продолжают смотреть фильм, а Анастасия работает по дому. Ещё так много нужно сделать!

Пока бабушка собирала стол, Анастасия уже наполнила стиральную машину, и принялась за посуду.

«Нужно пришить пуговицу на штанах Дана. Нику тоже говорил, что зацепил в школе рукав куртки и порвал его. В этом году ещё доносит эту, она всё-таки ещё годная и мне неоткуда купить новую. А вот в следующем году она уже будет мала, он быстро растёт, так что обязательно понадобится новая...»

Подметая дом, Анастасия напоминает себе, в субботу или в воскресенье, проверить зимнюю обувь Нику, посмотреть, не вырос ли ребёнок из неё, не рвётся ли она. Она почти каждый день твердит ему, быть осторожным, не пинать каждый камень на дороге, что у неё нет денег на новые ботинки. Все-же она знает, насколько Нику озорной, и, что вероятнее всего не слушает её.

«Он ведь ребёнок, говорит себе Анастасия, его дело играть, и не его вина, что у меня не хватает денег...»

Только после чего дети заснули, а бабушка прочитала вечернюю молитву и легла спать, Анастасия находит время, чтобы посидеть перед компьютером.

Пишет пару сообщений: одно сестре в Испании, другое — однокласснице, работающей в Израиле, смотрит несколько коротких видео с кулинарными рецептами, идеями для ремонта дома, о комнатных цветах. Вспоминает о протесте перед торговым центром.

Вводит в поисковике: достойная заработная плата в Молдове. Появляются несколько результатов.

«Хм, тут есть что почитать», — говорит себе Анастасия.

Находит исследование, высчитавшее достойную заработную плату для Молдовы.

Снова видит цифру в 12 000 леев. Ей любопытно, как эти люди дошли до этой отметки. «Почему не 14 тысяч? Или 10 тысяч? Почему такая большая разница между прожиточным минимумом и зарплатой, которую получаем мы? Что говорят о таком предложении по зарплате правительство и компании?»

Уже за полночь, но Анастасия продолжает с интересом читать.

Пишут что журналисты, которые рассчитали достойную заработную плату в Молдове, провели своеобразный опрос среди работниц швейной фабрики на юге страны. Они попросили их записывать свои расходы на питание на протяжении месяца, указывая реальные цены, уплаченные за каждый продукт. Затем журналисты рассчитали типичный рацион (который, как поняла Анастасия, что-то среднее между тем, что люди обычно едят, и тем, что они должны есть, чтобы быть здоровыми). Один взрослый рассчитан как одна единица потребления, а ребёнок как половина единицы. Среднестатистическая семья состоит из 3-х единиц потребления, как у Анастасии, 2 взрослых и 2 детей. Так они подсчитали, сколько будет стоить семье из 3-х единиц здоровое питание в течение месяца. В Молдове, по их подсчётам, почти половину своего дохода люди тратят на еду. Позже, они удвоили сумму, полученную на питание, чтобы покрыть непродуктольственные расходы. Таким образом, они вышли на сумму в 12 000 леев.

Анастасия размышляет о том, что её семья также состоит из 4 человек, или, как говорится в исследовании, «из 3-х единицы потребления», или, как бы их назвала Анастасия — 3 ртами

потребления. И работает она одна. У бабушки тоже есть пенсия в 1000 леев, но она не сильно влияет на семейный бюджет.

Анастасия не может сдержаться и мечет о том, какой была бы её жизнь, будь у неё зарплата в 12 000 леев. Она представляет, как бы покупала лучшую еду детям, как бы взяла маме пару новых сапог, как бы чаще вывозила детей из села (хотя бы в кукольный театр). Она мечтает как бы меняла старые двери (дверь в детской так сильно разбухла, что уже не закрывается и к утру в комнате уже холодно), как бы она, наконец, пошла к стоматологу проверить, что не так с зубом, который беспокоит её уже второй месяц. «Было бы неплохо», — говорит она себе. «Если бы не вставать завтра с петухами, почитала бы больше об этом прожиточном минимуме...»

Выключает компьютер, и ложится спать...

Дом Анастасии находится в конце села: двумя улицами ниже единственной асфальтированной дороги. (В дни, когда на улице грязь, Анастасия берет с собой пару галош, чтобы дойти до трассы. Затем она оставляет их за воротами Аллы, коллеги с работы. Вечером она проделывает обратную операцию: снимает ботинки и надевает опять галоши, чтобы дойти до дома.) Дом уже давно нуждается в ремонте – окна ободраны, все эти годы, вместо того чтобы их заменить, им лишь добавляли очередной слой краски. Двери столько раз разбухали от влаж-

ности, что уже не закрываются, а на наружных стенах пошли трещины.

«Чего можно ожидать от одинокой женщины?», – утешает себя Анастасия. «Если бы мой бывший муж меньше пил и хотя бы время от времени вспоминал, что нужно кормить двоих детей, возможно, мне бы удалось собрать немного денег и отремонтировать дом. Нам повезло, что мама как-то умудряется каждый раз откладывать по 100–200 леев из своей пенсии. Так этим летом мы поменяли забор, а то вся утварь с улицы заходила во двор. А Дан сейчас

как раз в том возрасте, когда упустишь его из виду на 2 секунды, и он уже у колодца. Он уже знал все щели, даже шифер, которым мы их прикрывали, совершенно не помогал. И тут нам повезло с мамой, она добавила немного денег, и мы смогли купить 7 складометров дерева. Уже пусть холодает.

Вот уже 7 лет Анастасия работает в «Конфесте». Первые полгода, будучи новенькой, она гладила платья, сшитые другими работницами. Потом перешла на шитье — шить ей нравилось больше, чем гладить, она находила эту работу более «творческой». Прагматичная причина перехода состояла в ещё том, что на её руках не осталось ни малейшего не ошпаренного утюгом места, да и работа швеи всё-таки лучше оплачивается. Вместо 2000 леев, теперь она могла получать от 3000-4000, в зависимости от выполняемой нормы. Она с самого начала вступила в фабричный профсоюз. Это было неписанным правилом,

своего рода, обязательным приложением к трудовому договору.

В прошлом месяце, после чего Александра, одна из сотрудниц профсоюзного комитета, вышла на пенсию, коллеги предложили Анастасии занять её место.

«У вас нет других тем для шуток? Как я пойду в профсоюзный комитет? Что я там буду делать? Мне страшно и я боюсь выступать на собраниях, особенно перед начальством. Я теряюсь, может, выберете кого-то другого?»

Однако коллеги настояли, и Анастасия стала членом профсоюзного комитета.

Сначала она боялась, что на собраниях ей придётся говорить наравне с начальством (которое она должна внимательно слушаться во время работы и чьих взглядов она боялась), а иногда даже им перечить. Но страх прошёл, когда она поняла, что находится там не только для себя, но и чтобы отстаивать надежды своих коллег.

Тогда ей стало стыдно за свой стыд: работа в профсоюзе, была слишком ответственной, чтобы думать о застенчивости. Она понимала, что часто, от её слова зависело, будет или нет хлеб на столе её коллег и их семей.

Анастасия чувствовала, что становится решительнее, смелее, и воинственнее.

Утром понедельника Оля и Алла стояли на остановке раньше Анастасии.

— Настя, видела, что ты вчера разместила на своей Facebook странице. Понравился протест?

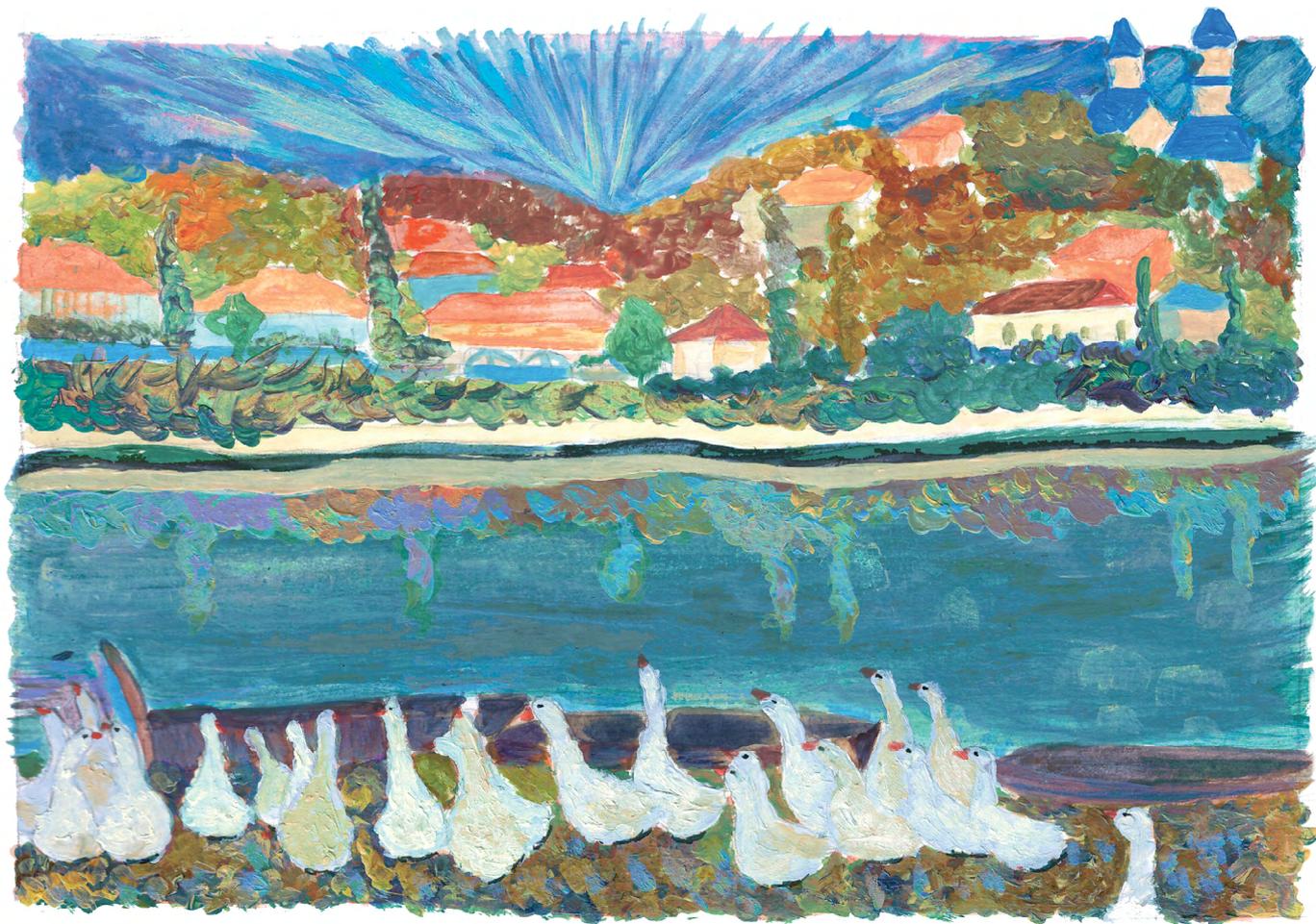
— Может и нам организовать по-быстрому акцию протеста перед районным рынком? Насмехается Алла.

— Да, нет проблем, девочки! Вот только платья от Rochiato на районном рынке не продаются. А если подумать серьёзно, разве вы бы не хотели зарплату, на которую мы могли бы жить и растить детей? Или вы хотите ехать в Италию или Израиль, как это сделали Валя с первой линии и Таня со второй?

— Да ну тебя, Настя, лиса сыр захотела? Мы-то можем хотеть зарплату в 12 000 леев, но кто нам будет её такую платить?

— Оля, лисе не нужно отправлять детей в школу, ей не нужно покупать дрова на зиму, если у неё разрушится потолок, она быстро выроет себе новую нору и, наконец, лисам не нужны шорты и обувь каждый сезон. Так что, если бы я была лисой, моей зарплаты хватало бы на то, чтобы есть сыр хоть 3 раза в день. Вот ты, Алла, когда в последний раз ела сыр?

— В прошлом месяце, на дне рождении Андрюши. Не отрицаю, я люблю сыр и не прочь позволять себе его не только в праздники. Так что,

Настя, думаешь, эта история с прожиточным минимумом — это не просто сказки детям на ночь?

— Не знаю, как спали дети, но я долго не могла заснуть. Читала допоздна в Интернете как обстоят дела с эти минимумом, потом лежала и мечтала до 2 часов ночи. Надеюсь, сегодня не засну за работой.

Тем временем на остановку прибыли остальные женщины, а вскоре приехал и автобус.

По дороге на фабрику женщины продолжили говорить о достойной заработной плате. Шутка за шуткой, но дискуссия в какой-то момент стала очень серьёзной.

— Девочки, мне хочется плакать от печали и беспомощности каждый раз, в конце месяца, после чего раздаю долги по магазинам, плачу коммуналку, покупаю что-то детям и оказываюсь опять без денег, а месяц-то впереди, и опять работать и жить в долг. И так каждый месяц, и каждый раз я молюсь, чтобы не случилось что-то непредвиденное.

— Хорошо, что нам магазин даёт в долг. Иначе я бы не дотягивала от зарплаты до зарплаты.

— Если бы я не выращивала 20-30 гусей на болоте, мои дети не ели бы мясо.

— И это морально? Это справедливо? То есть я

здесь разрываюсь на части, чтобы выполнить норму, работаю с утра до ночи, чтобы выжить с месяца на другой, в то время как шеф Rochiato, как я слышала, живёт себе во дворце в Милане, имеет собственную яхту и путешествует по всему миру, когда ему захочется?!

— Так, его яхта со вкусом нашего пота...

— Наш директор, господин Василий, тоже неплохо живёт. Дом в районном центре, дом в Кишиневе — я не видела, чтобы он работал больше нас.

— А я не думаю, что он помер бы с голоду, поделившись с нами, чтобы наша жизнь стала более достойной. Может, он бы так даже спать спокойнее стал...

— Слушай, Анастасия, вы не хотите поднять этот вопрос в комитете? Может не прям 12 000 но, по крайней мере половину, и уже было бы легче.

— Девочки, я все воскресенье думала о том, чтобы обсудить это с Тamarой. Мы не должны молить о лучшей зарплате, мы должны требовать её. Сегодня поговорю с ней об этом.

Женщины даже не заметили, как слово за слово доехали на фабрику.

Во время перерыва Анастасия направляется к швейной машинке Тамары.

— Тамара, есть две минуты?

— Да, Настя, слушаю.

— Слушай, я в пятницу вечером видела репортаж по телевизору о протесте перед торговым центром.

— Тот, что о зарплате в 12 000 леев? Я тоже видела, и меня он тронул.

— Да, я про него. Те люди говорили о достойной заработной плате. Я поискала в Интернете информацию об этом и нашла немало — об этом писали даже у нас, в Молдове.

— Ты поняла, как они вышли на 12 тысяч леев?

У меня ощущение, что эта сумма взята из воздуха.

— Нет, не из воздуха, они это тщательно высчитали после разговоров с работницами других фабрик. Они включили сюда расходы на питание, одежду, здоровье, образование, жилье, транспорт и даже на непредвиденные ситуации. Цифра реальная. Я много об этом думала. Получается, что у нас зарплата низкая и все эти расходы нам приходится платить из собственного кармана, а ещё кормить 2-3 рта. Если я все правильно понимаю, проблема в том, что фабрика не хочет помогать нам платить за это все.

— И что ты хочешь от меня, от профсоюза?

— Хочу, посоветоваться о том, что мы можем сделать, чтобы фабрика взяла на себя большую часть этих расходов, как я вижу, слава Богу, имеют отсюда.

— То есть ты хочешь, чтобы мы потребовали у администрации эту достойную заработную плату?

— Да, именно этого я хочу.

— Ты с ума сошла? Ты действительно думаешь, что господин Василий сидит и только нас и ждёт с требованиями о более высокой зарплате? Ты думаешь, у него в сейфе мешок с деньгами, и ему никогда не приходило в голову поделиться им с нами? Не будем наивными, Анастасия... И потом, как мы вдвоём можем решать, как поступить профсоюзу, не посоветовавшись с остальными членами?

— Я хочу поднять этот вопрос на профсоюзном собрании, Тамара.

— Я не думаю, что это хорошая идея, и скажу почему. Ты новенькая, у тебя нет большого опыта работы с профсоюзами и директорами. Ты знаешь, на скольких швейных фабриках существуют профсоюзы? Максимум 10%, и это по очень оптимистичным прогнозам. Среди новых фабрик, почти ни у одной нет их.

В каком-то смысле нам повезло, что профсоюз сохранился после приватизации завода. Все эти годы нам было нелегко. Мы боролись за рабочих, но делали это с головой: не обижайся, конечно, но мы никогда не требовали у начальства то, что видели вчера по телевизору. Это так не работает. Реальная жизнь отличается от того, что показывают по телевизору. Тем протестующим может и легко требовать более высокую зарплату перед торговым центром, им нечего терять, а нам очень сложно сделать это изнутри, мы рискуем потерять все.

— Тамара, если они требуют что-то перед тор-

говым центром за нас, значит, что мы не одни и что у профсоюза есть друзья за пределами фабрики.

— Анастасия, у тебя добрые намерения, но ты очень наивна. Если хочешь высокую зарплату, достойную заработную плату, как в телевизоре, иди сама к господину Василию и требуй, а мы посмотрим, что он тебе на это ответит! Или выполни две-три нормы!

— Тамара, для этого у нас и есть профсоюз, чтобы мы не говорили с господином Василием, и не защищали свои права поодиночке. Профсоюзы подразумевают совместную работу.

— Анастасия, успокойся, подумай ещё, и ты увидишь, что придёшь к такому же выводу: это невозможно. Я же тебе говорю, не на всех фабриках даже есть профсоюзы. А знаешь почему? Потому что работодатели считают их раком для компании. Нам повезло с профсоюзом, пусть он и не идеален. Если слишком сильно растряссти эту лодку, можно её совсем утопить.

Анастасия хотела бы ответить что-то резкое, но предпочитает уйти. Она все равно ничего не решает — она знает Тамару: она бы уступила перед чем угодно, лишь бы сохранить свою должность главы профкома.

Но Анастасия не сдаётся. В следующую пятницу состоится собрание профсоюза, и Тамара не сможет заткнуть ей рот. А пока, она еще почитает, поговорит с другими работницами, узнает, поддерживает ли ее кто-нибудь еще.

В пятницу утром Анастасия сказала маме, что она опоздает и чтобы та не ждала её к ужину: сразу после работы начнётся профсоюзное собрание, которое может продлиться до полуночи. (Как это часто и происходит).

Она взволнована — ей удалось поделиться своей идеей о достойной заработной плате с несколькими коллегами, но она слышала, что и Тамара, со своей стороны, также разговаривала с девочками, пытаясь убедить их, что идея Анастасии опасна.

«Будь что будь, поговорим открыто перед всеми коллегами. Пусть все знают кто на чьей

стороне, мы не дети, шептаться по углам».

Встречу открывает Тамара, которая зачитывает повестку дня.

1. Организация и проведение культурных мероприятий, посвящённых зимним праздникам.
2. Вручение новогодних премий.
3. График предоставления ежегодного отпуска на 2021 год.
4. Распределение отпускных путёвок членам профсоюзов на 2021 год».

Хоть Тамара и не включила в повестку дня вопрос о прожиточном минимуме, открывает она встречу именно с этого.

— Коллеги, последние две недели от каждой швейной машине слышались дискуссии о розовой мечте Анастасии, о том, что все на фабрике могли бы получать, Бог знает откуда, как и Анастасии, впрочем, неведомо, минимальную зарплату в 12 тысяч леев, которую она называет достойной заработной платой и о которой она узнала из телевизора. Разумеется, все были бы счастливы, получать такую зарплату, но я, в отличие от некоторых, спускаюсь с небес на землю, приходя на работу, и не путаю сны с действительностью. Мало того, что работа невыносима и трудна, так если ещё начнём требовать что-то подобное, мы все рискуем оказаться на улице, потому что нас уволят. Думаете, мы господину Василию так дороги и он жить без нас не сможет? Он хоть завтра может найти нам замену. Сами знаете, что предложения о работе сейчас на дороге не валяются. У нас выбор между...

Анастасия чувствует, что нужно вмешаться, поэтому встаёт и перебивает Тамару:

— Уважаемая коллега, было бы правильнее позволить представить эту идею той, кто её начал, чтобы мы смогли обсудить все должным образом. Вместо этого, ты наговорила всякую чушь, представив мою идею в таком ужасном свете, что любой здравомыслящий человек подумает, что я сошла с ума. Позволь мне рассказать об этом, раз уж мы начали это обсуждать.

Этой темы даже нет в повестке дня, — защищается Тамара.

— Так ты, поэтому начала с неё собрание? Если ты можешь говорить о вещах, которых нет в повестке дня, значит и я имею на это право.

— Имеет право, пусть говорит — слышен поддерживающий голос из зала. Это была Ольга, землячка Анастасии. (Какая молодец, думает Анастасия, знает, как самая настоящая подруга, когда мне больше всего нужна поддержка).

— Да, я выскажусь. За последние две недели, я почти с каждой из вас поговорила, поэтому не буду повторно объяснять, что такое достойная заработная плата. Но вы можете сравнить то, как я это представила, тон, внимание и энтузиазм, с которыми я это делала, с тем, как это все преподнесла Тамара.

Во первых, я говорила с уважением и уверенностью, что это возможно, что мы должны попробовать. Тамара вам сразу говорит, что это нереально. Во-вторых, поделюсь с вами тем, что я ещё узнала, почитав об этой достойной заработной плате и о том, как за неё борются работники других стран. Открою вам секрет: достойная заработная плата — не что-то, что мы просим у директора или у Rochiato, это не одолжение и не прихоть, которую мы хотели бы, чтобы они выполнили. Во всем мире рабочие, борющиеся за достойную заработную плату, борются за неё как за своё право, как за то, что они заслуживают. Я не начала вам рассказывать о достойной заработной плате, увидев лишь акции протеста по телевизору. Так вышло, что эта новость дошла до нас позже. Но в других странах рабочие, профсоюзы, активисты и другие организации десятилетиями говорят и требуют этого.

Вы спросите, чего же они добились за эти годы?! Да, возможно не все получили достойную заработную плату, но, по крайней мере, в некоторых компаниях это стало реальностью. И этого добились простые и трудолюбивые люди вроде нас. И, так же как и нам, в начале, эта идея им казалась невозможной. Все это может показаться не таким уж большим достижением, но этим людям удалось вынести проблему из-за швейной машины на всеобщее обозрение, заключить союзы с работниками других фабрик и стран. Вы думаете, что Rochiato шьют платья только на нашей фабрике? Они шьют и в Румынии и в Украине, и там

люди получают те же самые копейки, что и мы. А знаете, сколько стоит платья, которые мы шьём? Вот это вечернее платье, которое мышили сегодня?

— Да сколько оно может стоять, около 500 лей?

— Примерно, только не 500, а 2400. Это цена, по которой продаётся это платье.

— Как 2400? Аурика, сколько стоит у вас прострочить вытачки?

— 1 лей за операцию.

— Итак, сколько у нас всего операций выходит?

Раскрой юбки, лифа, лямок, манжетов, пояса, обработка резинкой на линейной машинке воротника, манжетов, пояса, обработка лямок, строчка вытачек, закрепка лямок, строчка полотнищ юбки, лифа, сборка манжетов, обработка манжетов оверлоком, крепление манжетов, крепление воротника, крепление лямок, обработка кружева оверлоком, 3-ниточная окантовка платья.

— Более 20 операций, шепчет голос из зала.

— 1-4 лея за каждую операцию? Мы получаем около 100 лей за пошив платья от раскроя до готового изделия, и мы шьём по несколько сотен платьев в день. Возьмём пример этого платья. За работу по изготовлению платья рабочие получают 100 лей. Но в чьём кармане остаются остальные 2300 леев? Получается, что 100 леев с платья мы делим на несколько десятков человек, а оставшиеся 2300 делятся лишь среди единиц и, очевидно, им достаётся гораздо больше. Этим я хочу сказать, что у завода есть откуда увеличить нам зарплаты. Если бы нам платили хотя бы по 300 леев за платье, уже было бы лучше, и владельцы тоже не обеднели бы.

— Точно не умерли бы с голода, и даже не сухари бы ели.

— Ох, какие же вы здесь все умные. Настя, ты

сама говоришь, что у Rochiato есть заводы в Румынии и Украине. И как же вы думаете, если мы по глупости потребуем у них зарплату в 3-4-5 раз больше, чем сейчас, не кажется ли тебе, что они просто соберут отсюда все свои вещи и откроют ещё один завод в Румынии или Украине? Почему вы такие неблагодарные?! Скажите спасибо, что у вас худо-бедно есть работа и есть что кушать. Поверьте, это счастье. Поговорим лучше о нашей повестке. Какие колядки и поздравления готовим к Новому Году? Сколько денег выделим на детские подарки?

— Тамара, ну что за детский сад? Разве не видишь, что мы говорим о наболевшем? Какие колядки?! Что сделал профсоюз для увеличения нашей зарплаты? Эта тема не новая. Как давно мы говорим о том, что нормы все растут, а зарплаты — нет?

— Зарплаты вырастут, когда правительство повысит минимальную заработную плату. Так что в следующий раз на выборах будете знать, чего требовать, а пока, давайте не лезть не в своё дело и не раскачивать эту лодку, а то сами от этого утоним. Анастасия, если ты так недовольна работой профсоюза, можешь создать другой и мечтать там о прожиточном минимуме и прочих безумствах.

— Тамара, профсоюз — не твоя личная собственность. Но я все равно выйду из него и создам другой, потому что в этом не только ты боишься быть активной. Такова ситуация до самого верха, до конфедерации. И даже если мне удастся убедить тебя, после этого, я все равно наткнусь на твоих начальников.

— Счастливого пути.

Анастасии хотелось бы дать отпор, но она чувствует, что дельная часть обсуждения давно закончилась, и то, что происходит сейчас, — не что иное, как простой обмен гневными репликами, которые ничего не меняют. Она берет

сумку и уходит. За ней следуют Алла, Оля и ещё несколько коллег. Тамара смущена – она видит, что повестка никого уже не интересует, поэтому сердито объявляет встречу закрытой.

– Увидимся, когда научимся уважать то, что имеем. Доброго вечера.

По дороге домой Анастасию терзают сомнения. «Не была ли я слишком резкой, о чем я только думала, когда столкнулась с Тамарой. Мы все же работаем вместе. Смогу ли я каждый раз так ей противостоять? Какой к черту новый профсоюз? Нужна ли одинокой женщине с двумя детьми и больной матерью, живущей в полуразрушенном доме, новая головная боль? Я понятия не имею, как создаётся профсоюз...»

Подруги в надежде утешить её, пытаются шутить. «Пора и нашей деревне дать миру лидера, хотя бы профсоюзного, а то простых рабочих из наших пруд пруди...»

Добираются до деревни.

У входа в дом горит свет, знак того, что бабуш-

ка не спит и ждёт Настю. Рядом с дверью, стоят два мешка с капустой.

«Как же хорошо, что мама купила капусту, а то мы все откладывали это, пока зима не пришла. Завтра надо помыть бочонок и посолить все».

Субботнее утро, Анастасия крепко спит. Вдруг, рядом с собой она ощущает тёплое дыхание.

— Ма-ма-ма-ма

Руки Дана тянут её за нос, за уши, затем вся тяжесть детского тела ложится ей на живот. Она улыбается и открывает глаза. Анастасия целует и балует ребёнка. На них наваливается Нику, который также хочет любви и ласки. Анастасия целует обоих.

— Доброе утро, мои сладкие. Позавтракаем вместе сегодня? Что будете?

— Я хочу блины с шоколадом и чаем, — говорит Нику, глядя с надеждой на реакцию матери.

— Мама пожарит блины, но шоколада у нас пока нет. Какое варенье ты будешь? Клубничное? Яблочное? Айвовое?

— Но мамочка, я хочу шоколад. Андрей каждое утро ест блины с Нутеллой.

— Никушор, ты же знаешь, что мама Андрея в Италии, а я здесь...

— Хорошо, мамочка, я не хочу, чтобы ты уезжала в Италию. Давай с клубничным вареньем. Дан, поешь с нами?

Дан одобрительно хлопает в ладоши и смеётся.

После завтрака Анастасия моет тёплой водой бочонок, в то время как бабушка чистит капусту.

Дети тоже хотят помочь, поэтому собирают со стола капустные листья и скармливают их курам. Все-же им быстро это надоедает, и они выходят во двор поиграть.

Анастасия выглядит удручённой и задумчивой. Она не может не думать о том, что произошло вчера. Из-за конфликта с Тама-

рой она заснула только под утро. Её мучали всевозможные мысли. Иногда ей кажется, что она все сделала правильно, гордится собой за смелость, и за то, что ей неплохо удалось высказаться перед всеми. Иногда она думает что поторопилась, что она наивна и что было бы лучше помалкивать. Утром её мысли так же метались между этими двумя состояниями...

Голос мамы пробуждает её.

— Что с тобой, дочка? Телом ты здесь, но твой разум витает где-то далеко. Что-то случилось?

— Ничего такого, мама. Я вчера что-то сделала и не могу решить, было ли это глупостью или хорошим делом.

Мать смотрит на нее вопросительно. Анастасия продолжает.

— Вчера на собрании профсоюза я решила поговорить о прекрасной идее, но получилось, что я поссорилась с лидером профсоюза, и вышла из него.

— Дорогая, грош цена этому профсоюзу. Что этот профсоюз сделал для тебя? Подарил тебе две коробки конфет на Новый Год? Да куплю я тебе их со своей пенсии. Ну вышла ты из профсоюза, подумаешь, великая потеря! Лучше расскажи матери, что у тебя была за идея.

— Нет, мама, профсоюз сам по себе вещь неплохая. Он действительно необходим, но его

задача — не только дарить подарки на Новый Год и 8 марта. Это можно делать и без профсоюза. Нам нужен профсоюз, чтобы иметь лучшие условия труда и лучше зарплаты. В этом состояло моё предложение: в лучших зарплатах. Помнишь протест в торговом центре?

— Тот о зарплате в 12 тысяч?

— Да, именно. Эта идея меня действительно вдохновила. В тот вечер я не смогла заснуть, пока не просидела до полночи в Интернете, читая о том, как именно они высчитали 12 000 и в целом об этой идее. Это длинная и запутанная история. Но, проще говоря, достойная за-

работная плата — это зарплата, рассчитанная на проживание в течение месяца семьи похожей на нашу, из 4-х человек. В эту сумму входят затраты на еду, одежду, дом, коммуналку, транспорт, медицину, школу и даже позволяет отложить немного на чёрный день. Сейчас я могу только мечтать о том, чтобы отложить пару леев. У нас каждый месяц долги перед магазином. Отдаю долги, плачу за коммуналку и снова беру в долг. Сейчас ещё ребята маленькие, много не требуют, а через несколько лет, как я отправлю Нику в университет?!

— Совсем бы не помешало, плати они тебе бо-

лее высокую зарплату. Говоришь, ты подняла этот вопрос на вчерашнем собрании?

— Я попробовала, но не могу сказать, что мне это удалось. Все же перед встречей я поговорила со многими коллегами, и все они были со мной согласны. Я думала организовать отдельную встречу по этому поводу, но вчера Тамара открыла собрание именно с моей темы, хотя на повестке дня было ещё 5 вопросов. Она представила все очень искаженно, я встала, чтобы защититься, потом я кинула пару горячих фраз, Тамара в ответ, я предложила попытаться продвинуть достойную заработную плату через профсоюз, на что она ответила, что профсоюз никогда не поддержит такую идею. Тогда я сказала, что нам не нужен такой удобный и беззубый профсоюз и что я лучше

уже выйду из такого профсоюза, она пожелала мне доброго пути и все.

— Дорогая, ты веришь в эту идею? Если веришь, то ты будешь права, даже если останешься совсем одна, и никто из твоих коллег не пойдёт за тобой. Но знай, что я с тобой. Ты попробуй. Не бойся. Ты будешь жалеть, если не попробуешь. Не бойся увольнения. Подобную работу, где нужно много трудиться за копейки не так уж и сложно найти.

— Я верю в идею, и хочу двигаться дальше. Я просто не совсем представляю, где находится и как выглядит это «дальше».

— Может, поговоришь с теми людьми из столицы, которых показали по телевидению? Может, они смогут тебе помочь? Хуже не будет.

— Отличная идея, мама. Передай мне пакет с солью и давай разложим эту капусту.

— Нику, принеси маме соль с кухни и айву со стола.

Анастасия кладёт капусту друг на друга так, чтобы уместилось как можно больше кочанов. Среди них она прячет по айве. Мать Елена разводит соль в ведре, чтобы Анастасия залила ею капусту. После нескольких часов работы бочонок полон капусты, и женщины кладут сверху пресс в качестве груза.

— Ну, вот и все, — говорит Анастасия. Запаслись на всю зиму. Я очень хочу щи из квашеной капусты.

— Щи из квашеной капусты будут только через месяц, а сейчас мама может приготовить рагу из картофеля.

Семья продолжает свои субботние заботы: Нику подметает двор, мама Елена готовит картошку, Анастасия убирается по дому, вытирает пыль, стирает одежду, вытряхивает ковры, кормит кур. Вечером она ломится от усталости и быстро засыпает.

В воскресенье, помимо прочих дел (подготовки одежды к школе, наблюдением за Нику, чтобы тот сделал уроки) Анастасия садится за компьютер: она хочет найти тех, кто протестовал перед торговым центром.

Она находит их быстро (несколько других газет написали о протесте, а на одном портале даже были указаны их имена и организации, в которых они работают). Несколько кликов и Анастасия на странице организации, в разделе Контакты.

Она видит номер телефона и электронный адрес.
«Как я им позвоню, если я их совсем не знаю?»

А вдруг они для галочки указали номер, а это чей-то личный номер, и на звонки с незнакомых номеров не отвечает... Лучше напишу, так проще. А что писать? Я Анастасия Морару, и работаю в Конфтекст? И что дальше? Я слышала о вашей идее? Ну, мало-ли кто об этом слышал?» После долгих колебаний она пишет короткое сообщение.

«Здравствуйте, меня зовут Анастасия Морару, я работаю на фабрике «Конфтекст» в Плойень уже 6 лет, где мы шьём платья для Rochiato. Я видела репортаж о вашем протесте на Civic TV. Приятно было видеть, что

есть люди, которым интересна наша судьба, судьба работниц швейных фабрик. Мне очень понравилась идея прожиточного минимума. Я поговорила об этом со многими коллегами с фабрики, и все были в восторге. Профсоюз об этом не хочет даже слышать. Мы хотели бы узнать, возможно ли как-нибудь в нашем случае продвинуться вперёд? Могли-бы вы нам помочь? С уважением, Анастасия».

В понедельник на фабрике было тихо. Тамара делала вид, что не видит её (Анастасия тоже была не очень общительна, так что все было обоюднo). Все были настолько спокойными и тихими, как будто в пятницу вообще ничего не произошло. Даже господин Василий не проповедовал, как обычно, он даже вежливо поздоровался, знак того, что Тамара ему ещё ничего не рассказала. Или господин Василий хороший актёр.

«Может, так лучше, — думает Анастасия, — не разжигать костёр раньше времени».

Она проработала весь день, предвкушая узнать, получила ли она ответ на своё вчерашнее письмо. Скорее бы наступил вечер. Дни, в которых ты чего-то ожидаешь, кажутся намного длиннее.

Рабочий день наконец-то заканчивается, и Анастасия едет домой. После чего дети засыпают, она наконец-то садится за компьютер.

Открывает почту — сообщение от кумы из Испании, уведомления из социальной сети и... сообщение от salariudetraiacum.md.

Её сердце ёкнуло.

«Они мне ответили!»

Она щёлкает на сообщение, и через несколько секунд оно открывается.

«Уважаемая Анастасия, мы очень рады, что вы обратились к нам. Ещё большую радость вызывает то, что вы заинтересованы в превра-

щении прожиточного минимума в реальность. Мы думаем, что общение по телефону или через электронную почту займёт слишком много времени. Если вас затруднит добраться до Кишинёва, мы могли бы приехать к вам в Плойень. Напишите нам о том какой вариант вам удобнее всего. С уважением, команда «Достойная заработная плата здесь и сейчас».

Анастасия думает, что Нику все-таки вырос из своих сапог, и ей все равно нужно будет купить новую пару. Поэтому она решает поехать в Кишинёв и после рынка зайти к ним в офис. Они договариваются о встрече на субботу в 12:00.

Она быстро находит офис, указанный в письме. Это старое здание, в самом центре города. Офис находится на 4 этаже, Анастасия доходит до металлической двери и слегка стучит.

— Войдите, слышно изнутри.

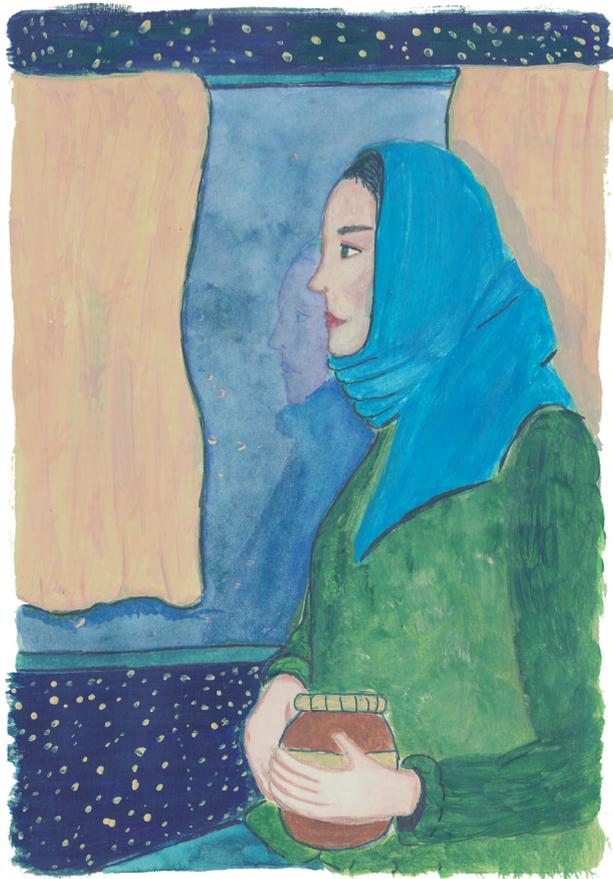
Она заходит. Это небольшой офис с длинным белым столом, освещённый большим окном напротив. Стены расклеены пожелтевшими от солнца газетами. За длинным столом сидят три человека.

Анастасия присаживается на стул у окна. На улице виден центр столицы: листья опали,

и город выглядит как невнятная масса, окрашенная во все оттенки серого.

Она не знает, как начать, но один из активистов нарушает молчание. Следует очень долгий разговор.

Возвращаясь домой, Анастасия останавливается у магазина и покупает банку шоколада. У неё отличное настроение, и, прежде всего, у неё есть надежда — она не одна и она не сумасшедшая, теперь она знает, что у неё есть союзники. Завтра она приготовит блины с шоколадом, чтобы порадовать детей.

До деревни ехать полтора часа. Она садится у окна и теперь может расслабиться. Это был невероятно содержательный разговор.

Всю дорогу внутренний монолог не заканчивался.

«По крайней мере, я сейчас знаю, как зарегистрировать профсоюз. Ничего сложного. Достаточно всего трёх человек. Думаю, Оля и Алла меня поддержат. Встретимся в какой-нибудь день после работы и проведём профсоюзное собрание. Выбираем кого руководящего. Напишем запрос в Минюст и подадим его вместе с уставом и решением о создании союза. Ион, Ана и Октавиан из «Достойной заработной платы здесь и сейчас» сказали, что пришлют

мне модели статуса и помогут в его составлении. Потом я снова приеду в Кишинев и подам документы в Минюст, и профсоюз готов.

Далее следует самая сложная часть. Мне придётся бороться на двух фронтах: со старым профсоюзом за членов и с г-ном Василием и администрацией за права и за достойную заработную плату.

Так-же, теперь я знаю, что ответить Тамаре, когда она скажет, что я наивна, и что Rochiato может открыть ещё один завод в Румынии или в Украине в любое время. Не так-то все просто. Ана нашла в Интернете ещё 2 фабрики в Молдове, 3 в Украине и 2 в Румынии, которые также работают на Rochiato. И точно существуют и другие, которые, как они выразились, не особо афишируются, или как сказал Ион, субподрядчики...

Мария упомянула кое-что о европейской организации, похоже, она называется ССС, которая поможет нам связаться с работницами и профсоюзами других фабрик, производящих для Rochiato, узнать, не хотят ли они присоединиться к нашим усилиям, и так же потребовать у Rochiato достойной заработной платы».

«Это ответ на вопрос, как родился профсоюз
Солидарность за достойную заработную плату.
С момента его официальной регистрации про-
шёл год. Это был интересный год, хотя време-
нами чрезвычайно сложный.

Сложнее всего, конечно, было в начале, когда
мы только зарегистрировались. Тамара из от-
раслевого союза пыталась ставить нам палки
в колеса, обвиняя меня в том, что я перема-
ниваю к себе работниц, и в том, что я создала
новый профсоюз, чтобы стать начальницей.
Она даже пожаловалась руководству фабрики,
сказав, что я хочу создать новый профсоюз,
который будет доставлять им хлопоты.

Но мы прошли через это: к моменту, когда
Тамара и руководство узнали о новом профсо-
юзе, мы уже подали документы в Минюст и
ждали ответа. Узнав, что мы создаём новый
профсоюз, Тамара внезапно стала необычайно

активной. Их профсоюз, который до недавних
пор занимался лишь праздниками и поздрав-
лениями, внезапно стал требовать улучшения
условий труда, обеденного перерыва и луч-
шей вентиляции. В какой-то момент Тамара
даже пообещала, что профсоюз потребует нор-
мальной кухни с газовой плитой, чайником и
несколькими микроволновыми печами, чтобы
работницы могли разогреть себе еду. Но после
стольких лет бездействия было сложно убедить
людей, что ты сделаешь что-то в одночасье.

С руководством тоже было непросто, но мы
справились. На фабрике уже существовал про-
фсоюз, и г-ну Василию пришлось смириться с
тем, что если работницы решат создать новый
профсоюз, это их право, и ни он, ни кто-либо ещё
из руководства не может помешать им в этом.

Создавая профсоюз, я пообещала коллегам
вступивших в него, что мы вместе будем бо-

роться за достойная заработная плата. Я не обещала достойную заработную плату сразу, нам было неоткуда её платить, но я пообещала, что мы будем бороться вместе, бок о бок, и что эта борьба будет главной целью нашего профсоюза.

Мы боремся уже год. Мы организовали пикеты, протесты и даже марши на центральной улице города. Вы спросите: чего мы добились в этой борьбе? Отвечаю, мы получили большую группу борцов за достойную заработную плату. Сначала нас было мало, лишь члены нашего профсоюза.

Затем, при поддержке программы «Достойная заработная плата здесь и сейчас», мы сделали первые шаги. У нас состоялось несколько встреч с руководством фабрики, на которых мы рассказали о достойной заработной плате и официально выдвинули своё требование к фабрике, выплачивать её своим рабочим. Г-н Василий сказал, что он с радостью платил бы нам хоть две достойных заработных плат, если бы у него были деньги, но он не может сделать этого, так как он особо ничего не решает — он лишь предлагает брендам условия производства, а те всегда выбирают по принципу самой низкой цены. По его словам, невозможно платить зарплату в 12 тысяч, предлагая низкую цену брендам, а платит он такую низкую зарплату лишь потому, что остальные предлагают такую-же и если он предложил бы более высокую цену, ни один бренд не выбрал бы производить у него.

Руководство посоветовало нам обратиться с нашими требованиями в Rochiato.

Они надеялись таким способом избавиться от нас и закрыть эту тему, но мы действительно понимали, что нам нужно поговорить с Rochiato, если хотим добиться достойной заработной платы.

Ребята из организации «Достойная заработная

плата здесь и сейчас» помогли нам найти ещё две молдавские фабрики, которые шьют для Rochiato. В обоих были профсоюзы, и нам повезло встретить там живых и активных людей, понимающих, о чем мы говорим. С такими союзниками не пропадёшь! Так мы договорились выдвинуть совместные требования в отношении Rochiato.

Многие тогда говорили нам, что это плохая идея: а что, если Rochiato совсем уедет из Молдовы?

Но куда они пойдут? В Румынию? В Украину? В Польшу? Там такие же работницы, как мы, люди, с которыми мы можем связаться, хоть и говорим на разных языках. Так с помощью сотрудников ССС я написала работницам из Rochiato в Польше (на 2 заводах), в Румынии (2 завода) и в Украине (4 завода).

Потребовались месяцы, чтобы обсудить, объяснить, чего мы хотим, подсчитать достойную заработную плату в Румынии, Украине и Польше. Там, если сравнивать цифру в евро, достойная заработная плата может показаться выше. Но в реальности, она покрывает те же расходы, только там стоимость проживания выше.

Но оно того стоило. Нам удалось отправить общее требование в Rochiato, подписанное профсоюзными комитетами всех фабрик Восточной Европы, которые шьют для них, с одним требованием: выплата прожиточного минимума. Я пережила особый момент, которого ждала долгое время и о котором могла только мечтать: момент, когда работницы боролись вместе, в солидарности, выходящей за пределы национальных границ, рек, гор и языков, стоящих между нами. Мы говорили одним голосом и требовали одного: достойной зарплаты.

Это лишь начало. Rochiato — не единственный бренд, которого нужно «просить» платить достойную заработную плату. Остальных тоже нужно «попросить» это сделать. Затем нужно повторить то же самое в остальных отраслях.

Сегодня я представляю вам результат. Это официальное письмо руководства Rochiato в Милане. Я получила его пару дней назад, и только я знаю, как мне было трудно скрыть эту хорошую новость. Мы хотели разделить радость вместе, так же как вместе боролись и разделяли трудности.

Новость заключается в том, что Rochiato обязуется выплачивать с 1 января следующего года достойную заработную плату всем рабочим, которые на них трудятся по всему миру».

Волна аплодисментов захлестнула Анастасию после окончания выступления.

Волна слез залила её глаза. Она плакала. От радости.

Эти женщины, которые слушали её, были готовы отправиться с ней в сложный путь, она ощущала их частью своей семьи. Большой семьи...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

о достойной заработной плате

Апология достойной заработной платы

Официальным способом измерения минимальной стоимости проживания в Молдове (как и в других странах мира) является минимальная заработная плата. Она рассчитывается ежегодно и утверждается Правительством после переговоров с профсоюзами и работодателями.

В 2020 году **минимальная зарплата брутто** (без вычета налогов) в Молдове составила **2935 леев**, а **минимальная зарплата нетто**, то есть сумма, которую работник получает за месяц работы, начинается с **2311,60 леев**.

Этой суммы далеко не достаточно для покрытия базовых потребностей человека, особенно в семье состоящих из 4-х человек.

По данным НБС, в Молдове 44% ежемесячного дохода человек тратит на питание, а остальные 56% - на непродовольственные расходы. Это значит, что из минимальной зарплаты, 1017 леев должно хватить человеку, чтобы прокормиться месяц, а 1294 лея должно хватить на содержание дома, покупку необходимой одежды, продуктов гигиены, лекарств, медицинских осмотров и т. д.

Сложно представить, что на эти деньги реально выжить кому-либо. Теперь представьте, что у этого человека дома двое несовершеннолетних детей и пожилая мама, выживание которой зависит от этой самой зарплаты, как в случае Анастасии. Да, Анастасия не получает минимальную заработную плату, она получает среднюю чистую зарплату в сфере швейной промышленности, которая в прошлом году, по данным НБС, составила 4431,3 лей, в случае женщин. Для сравнения, мужчина, занятый

в швейной промышленности, получает в среднем 5476,3 лея.

На данный момент, единственным инструментом измерения стоимости проживания, влияющим на политику в области заработной платы является минимальная заработная плата. Пока эта схема не изменится, зарплаты которые будут получать работницы швейной промышленности, а также рабочие других секторов, будут оставаться очень близкими к минимальной заработной плате, и их будет недостаточно для достойной жизни.

Достойная заработная плата является альтернативой минимальной заработной плате, которая оценивает относительный уровень заработной платы, необходимый для достойной жизни работниц (рабочих) и их семей. В методологии, использованной в этой книге, достойная заработная плата включает стоимость проживания (продукты питания и непродовольственные товары) в течение месяца для 3-х единиц потребления (одна единица

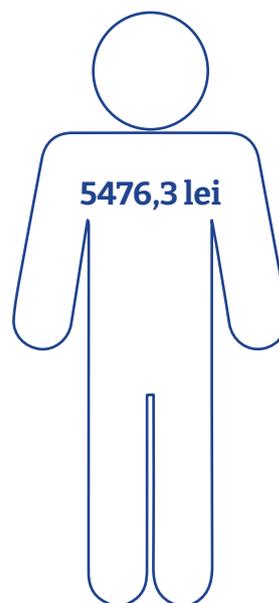
потребления равна одному взрослому или двум детям). В достойную заработную плату также входит 10% надбавка на непредвиденные расходы (или сбережения, которые может отложить семья).

Достойная заработная плата, очевидно, отличается от страны к стране, поскольку стоимость проживания также варьирует. Но во всех странах он измеряется одинаково: месячная стоимость проживания среднестатистической семьи.

Что фактически включает в себя достойная заработная плата?

Достойная заработная плата состоит из затрат на: жилье, здравоохранение, образование, одежду, транспорт, питание, сбережения.

По этой причине достойная заработная плата, в отличие от минимальной заработной платы, может намного эффективнее использоваться для оценки в региональном, международном и даже глобальном масштабе прожиточного минимума работниц и работников.

Возьмём швейную и обувную промышленность. Она состоит из глобальных производственных цепочек (взаимосвязанных сетей компаний, расположенных в разных частях мира, работающих над производством определённого продукта, например, одежды).

В случае, описанном в книге, эта цепочка означает, что молдавские работницы, такие как Анастасия и её коллеги, работают на иностранном бренде (в нашем случае итальянский вымышленный бренд Rochiato). Rochiato покупает сырьё (хлопок, другие ткани, пуговицы и аксессуары) у нескольких поставщиков в Бангладеш и Индии. В Италии несколько дизайнеров создают дизайн платьев. Лекала платьев вместе с сырьём доставляются на швейные фабрики Rochiato в Молдове, Украине, Румынии, а также в Польше. За свою труд работницы, которые шьют платья Rochiato, получают до 1% от цены, по которой оно будет продано. Когда платья готовы, они отправляются в Италию, откуда через розничные компании попадают в магазины. Как вы увидели в книге, вымышленный бренд Rochiato не встречается на молдавском рынке, даже если он здесь шьётся. Это связано с тем, что бренд не производится массово, то есть, молдавские потребители не могут позволить себе покупать платья от Rochiato, потому что они слишком дорогие.

Как же Rochiato стали производить свои платья на фабрике «Конфтекст» в Молдове? Мировые бренды предпочитают работать в беднейших регионах мира. Самая роскошная и дорогая одежда, а также одежда fast-fashion, то есть дешёвая одежда, шьётся в беднейших частях света — на мировом Юге и Востоке (т.е. в Южной и Восточной Европе, Южной и Восточной Азии, Африке, Южной Америке). Почему? Потому что здесь бренды значительно экономят на производственных расходах — они платят маленькие зарплаты и предоставляют худшие условия труда, а также пользуются на-

логовыми льготами, гибкими экологическими нормами и т. д.

Страны Востока и Юга постоянно конкурируют за подписание производственных контрактов с брендами. В этой борьбе страны жертвуют достойной заработной платой своих граждан и сохраняют низкую минимальную зарплату, в надежде привлечь бренды. Это часто отражается в гонке за снижение заработной платы и в предоставлении все больших льгот для брендов (eng. race to the bottom). Величайший страх стран, правительств и рабочих мирового Юга и Востока заключается в том, что однажды какая-нибудь страна предложит более выгодные условия (т.е. более низкую заработную плату), и бренды в одночасье перенесут своё производство туда. Бренды знают об этом страхе и используют его в полной мере, угрожая правительствам и рабочим, что они перенесут своё производство, в случае если те потребуют повышения зарплат. Эту риторику используют не только глобальные компании, но и правительства, руководители предприятий, и даже профсоюзные лидеры. Это был аргумент Тамары, главы профкома «Конфтекст», которая говорила Анастасии, что она наивна, думая, что Rochiato не перенесёт свое производство в Украину или Румынию.

Что мы можем сделать, для противостояния угрозе переселения компаний?

То, что сделали Анастасия и профсоюз «Солидарность за достойную заработную плату», когда они связалась с другими фабриками, шьющими для Rochiato, — чтобы проверить, существуют ли исследования о прожиточном минимуме в этих странах. Если таких данных не было, они поддерживали местные профсоюзы и организации подсчитать их. Впоследствии все эти фабрики потребовали от бренда, выплаты своим рабочим прожиточного минимума, рассчитанного для каждой страны.

Сегодня, производство является глобальным, а это значит, что солидарность также требуется глобальная (именно это и делает Анастасия: она создаёт региональный альянс профсоюзов, чтобы построить общий фронт солидарности).

Коалиции союзов, организаций и инициатив, таких Clean Clothes Campaign в Европе или Asia Floor Wage в Азии, прилагают усилия для создания региональных альянсов, которые продвигали бы потребность в достойной заработной плате в регионе, чтобы независимо от страны, в которой бренд будет производить, он вынужден был выплачивать достойную зарплату.

Подробнее о достойной заработной плате в Молдове:

Лилия Ненеску, Виталий Спрынчанэ. Достойная заработная плата в Республике Молдова. Тематическое исследование: швейная промышленность. Кишинев, 2018.

Ссылка:

www.fes-moldova.org/fileadmin/user_upload/2018/publications/Living_Wage_Moldova_Rom.pdf

Чтобы анонимно сообщить о нарушении прав или о злоупотреблении на рабочем месте, зайдите на платформу о нарушении прав сотрудников IDA.md.

Текст и иллюстрации:
Лилия Ненеску
Виталие Спрынчанэ

Перевод на русский:
Корина Овчаренко

Верстка:
Анна Васина

Тираж 200 шт.

Кишинэу 2020

